

СЕРГЕЙ КЫНЧЕВ

два **Названия**

поэтическая серия
Арсенала

СЕРГЕЙ КЫНЧЕВ

ДВА НАЗВАНИЯ

Н С С А Г Ц С И Н С С А
А Р С Е Н А Л А Г Ц С И
Н С С А Г Ц С И Н С С А
Г Ц С И Н С С А Г Ц С И
Н С С А Г Ц С И Н С С А
Г Ц С И Н С С А Г Ц С И
Н С С А Г Ц С И Н С С А
Г Ц С И Н А Р С Е Н А Л
Н С С А Г Ц С И Н С С А

Министерство культуры РФ
Приволжский филиал
Государственного центра современного искусства

Кынчев С.

Два названия/ Поэтическая серия Арсенала. - Нижний Новгород:
Приволжский филиал Государственного центра современного
искусства, 2012. - 44 с.

Традиция классического авангарда первой трети прошлого столетия настолько мощное явление, что его влияние прослеживается по сию пору. Конечно, это уже не только известный большинству со школьных парт кубофутуризм. За последние десятилетия стало понятно, что без русских обэриутов или европейских дадаистов представить себе, что такое авангард, попросту невозможно. Но авангардистская традиция не просто заимствование новых авторов у прежних, она развивается и дополняется. Кто-то занят изысками в области формы, рефлексирюя даже не на тему поэтического слова, а своеобразной поэтической «обертки», самой книги стихов как артефакта, и это стало называться бук-артом. Кто-то, напротив, уходит в фонетику, звук стиха, и текст, расположенный на бумаге, совершенно не значит того, что он представляет в своеобразном, в духе перформанса, авторском исполнении.

Поэзия Сергея Кынчева находится на пересечении визуальной и фонетической традиций. В его стихах совсем немаловажно графическое оформление, расположение знаков на листе бумаги, будь то слова или партитура знаков препинания. Но в озвучивании стихов, к сожалению, недоступном читателям этой книги, возникает возможность раскрытия тех контекстов, что явно объемнее, чем графическая плоскость. Однако нельзя утверждать, что в напечатанном виде поэзия Кынчева что-то теряет. Дело в самой экспрессии стиха, а это может быть, и веселая, как бы дадаистская карнавальность «Простой арифметики», и отрешенная метафизичность цикла «Первый и последний» как поэтического осмысления колоды Таро, чье значение потенциально, но всегда касается вполне определенной судьбы. Именно в этом – в движении от случая, безмятежной перестановки знаков реальности к внутренней драматичности личного бытия, осознаваемой в рамках древней символической системы, – логика развития поэтической книги Кынчева. И такая логика лишней раз подчеркивает, что авангард не просто и не столько самоцель формы, замена общепозетического языка сугубо авторскими коннотатами. Авангард – такой способ многоязычия, который измеряет нескольких человек

в каждом из нас. Как змея сбрасывает кожу, вырастая из самой себя, так и человек в течение жизни несколько раз проходит соответствующую психологическую стадию, и понятно, что для каждого такого периода есть свой ритм, знак и его смысл. Оставаясь в рамках традиционного представления о целях и задачах поэзии, практически невозможно обрести те элементы, что авангард выводит как фактуру психологической метаморфозы. Поэтому знак авангарда не обязательно «заумь», не обязательно концептуальный жест, уводящий нас от слова к акции, неклассическому зрелищу для аутсайдеров консьюмеризма. Знак авангарда может быть едва ли не любым, но он всегда имеет возможность быть реализованным в концепции протейности автора, что меняет облики и стили, но сохраняет принципиальную соприродность лирического и эмпирического, как это свойственно и идиостилю Сергея Кынчева.

Заметим, что понимание таких текстов – это понимание их в совокупности. Форма лирического цикла или книги стихов тут принципиальна. Собственно, она и аккумулирует в себе то, что мы можем назвать «человеком» в авангарде, мерой и пределом, началом и концом, где историческое и мифологическое неотделимы друг от друга. Три лирических цикла, представляющих гораздо более обширное творчество Сергея Кынчева, – яркий тому пример, доказывающий, что понимается в авангарде не как набор актуальных практик, отражающих одномоментность и дискретность бытия, как это часто бывает в современной поэзии. Через соединение личной истории и общей мифологии Кынчев показывает нам антиавтоматическое сознание, обновляющее серьезность мира при помощи веселья букв и знаков, но так же и засвечиванием личной драматики на пленке карт Таро. И это только лишь пара способов и возможностей авангарда как принципиально открытой системы художественного мышления, открывающейся нам в книге нижегородского автора.

Евгений Процин

ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

Погода дрянь.
В Сибири где-то
Самолёт разбился.
За стеной
Целый день сосед орёт.
А со мною
Прямо вот...
ХОРОШЕЕ что-то происходит.
Даже неловко как-то...

Я понял всё
Японский Бог
Теперь тако-о-ого наяпоню!

Треугольник

У Лукоморья
На лугу
Суп луковый растёт
ЛукА из лука
Убил лукавого слугу
А я под гул машин гуляю
И никогда не лгу
Я углубился -
Треугольник
Углём рисую на углу

Волшебная лампа

мала лампа
ЛАПА БОЛЬШ-А-АЯ
БАМ!!! ПО лампе ЛАПОЙ
и
Напополам
Поломалась болвана лапа

Втулка

Сел на улей
Пулей в Тулу
Улетел

Преступная мысль

Прилипни милая к моим улиткам
Улыбкой лестной лососЯ
И станет всё во мне таким же прытким
Как мысль преступная твоя
Рождённая в столь знаменательный для всех монголов
день

Дали-сан

Дали сан,
Сандалии,
Далее сам
Ловил, солил и расслаивал

Талисман от отупения

Я не отдам вам шар мой даром
Я не отдам вам шар мой
Не отдам
Шар мой даром
Я не вам
Не стоящим на седьмой ступени
И за деньги
Шар сей
Мой
Персональный талисман от отупения

Лужи

Иду по улице
Странные лужи
Как не посмотрю
Одно и то же
Чьё-то глупое лицо
Пялитцо
Ужас

Да я шпрут.
Я зашнурован.
Не на шарнирах же...
Ну что вам,
Жалко, что ли?

Поменяли (Это и то)

Как зашёл,
Почуял сразу -
Поменяли.
Не меня ли вспомнили?
Уж хоть бы в ЭТОм понимали
Бы,
Раз в ТОм году не в зуб ногой...

Сдуру дырок понаделал
Дыроколом здоровенным -
Нездоровый человек.
А здоровый человек
Ничего не сказал.
Только дырки подумали:
- ЗдОрово!
Как всё же здОрово,
Что в этом несуразном мире
Ещё встречаются личности
Столь могучей силы
И необычайной внутренней красоты!

Цветите цифирки мои
И да не сцапает
Цепное цало вас

Турист

Лежит на лужайке
В лыжах весь
Лужу лижет
Желудком булькает
Ложки говорит все кончились
Хоть бы видимость сделал
Что заблудился
Жулик

Плут

Будто труп в пруду
Мой друг
Супругу пугает

Мешалка

Мешалка
как символ вероломства

Ну включил я...
Мешалку
А толку-то?
А?
Не торкает...
Блядь!
Только грохает
Да брызги по потолку

Оранжевый билет

Всё меньше солнце
И всё больше
Душу греет «Горький -
Адлер» -
Оранжевый билет

Как фанера над Парижем
Венера с пассатихами
Обеденный сон слесаря

Туш(ь)

Уж август
А в Тушино душно
Тяжело душе в туше дышится
Душ принять бы
Да тушь вся кончилась
Его даже музыканты местные играть разучились
Вот и дружи после этого с тружениками тыла

Зло

Опять не повезло
КозлО какое-то
Ползло-ползло
Ползло-ползло
Приползло
И злопало всё...
КозлО поганое
Поганое козлО

Простая арифметика

РАЗговорились
ДВА друга
ТРИ литра выпили

Сложно птице
Сложенной в четверо
Соль жевать
Из рук Солженицина

Всё

О, дай Господь мне только повод,
Всё отдам без сожаленья -
И ключи,
И сигареты...
И жетон на метро...
И...
Жетон...
На метро...

Когда человек голый
Голова не для глаголов

Все любят сладкое

Её и мельник любил
И король
А она
Карамельки любила

О, сколько слов
Заразою моею
Убито,
Чтоб моею стала ты,
Зараза

Когда бы Бог
Как я
Поэтом русским был
Он с лёгкостью бы
Словосочетанье «мор и горе»
Переправил бы на «горы, море»
И в таком формате
Смело
Всех отправил бы в бессрочный отпуск
Жаль не божье это дело
Буквы местами менять

Мы слили мысли
Лиру рыб нашли бы
Если б лишнего не выпили

В плюще

Не надо спрашивать зачем
Я в плюще
И полон плюшек
Сплю в плюще
Я может...
Ебанутый вообще
И укусить могу

Полил цветы
Спалил сарай
Ни-че-го не изменилось в этом мире

Солёный песок

И содрогнулся склеп,
И Непокойный клеил снова,
Как некогда из плеска волн о скалы слова,
Из песка свой скелет
С лицом скуластым и оскаленным
Недобрую песню,
Склонившись над водою пел,
Как смело смотрел ей в лицо
И ослеп,
Когда она рассыпалась
От собственного великолепия.

В нём тролля горного дурная кровь
В ней жертвенной коровы молоко
ЛЮБОВЬ у них
И хорошо бы
Но...
Ключи
Сигареты
Жетон на метро

Конь поэта Фета

Проигрался поэт Фет
В пух и прах.
Конфет мешок
Проиграл,
Пистолет с камнями
И даже
Трафарет любимой бабушки
Выполненный неизвестным художником.
И наконец
Поставил на кон коня своего.
А он
(т.е. конь)
Не хочет стоять.
Упал
И ну валяться -
Гордая скотина

Судный день

Сидел седой судак в садке
И думал -
Да,
Сегодня
Не только у меня судный день...
Ко дну шло судно

Вот как
Здесь
Происходит сейчастье -
В-в-а-а-ау!
Ба-бах!!!
И на мелкие части

Мир зАмер
Это из детства
Планер с красною звездою
На крыле
Запустил
Сердца вечный пионер
Подводный мудрец

Видит истину
Ведёт журнал
Но в наших водах не водится

Ко мне
То камень
То комета
В огород
Всё не спится кому-то...

Парадоксальная симметрия осени

Сухое Хо

Светло и жёлто
Тихо так
Будто как-то где-то справа
Всупротив от уха левого
Муха пролетела золотая
Говорящая
И промолчала

Мокрое Ос

Темень
Морось
Мира ось
Будто космоса гигантский мокрый волос
Изогнулась так
Что голос мой
Нос
И особенное чувство слова
В полвосьмого осьминога
Вдруг само собой срослось
И вылилось
Ну вот...
Началось

Поэтесса и демоны

И уж в который раз
Всё в том же парке
Она листала книгу осени
Банальные стихи
Читала
Плакала, смеялась
И даже демоны её
От скуки смертной разбежались

Улетели птички
Паучки
Впали в спячку
Возле печки
Я да тапочки мои
Да спички сушатся

Без пальто
Без платья
Без панталон
Плачет от счастья
В платок полосатый
Муза моя

Объелась моль
Упала в пыль
Без листьев тополь за окном стоит

Пой мать памяти моей
С лицом помятым
Пей чай с мятой
Не понять тебе
Как и мне
Никогда не поймать твоих призраков

По зиме соскучились,
Идут -
Снег-сног
Снег-сног
Снег с ног
Не стряхивают

Рыбья румба

Прорубил во льдине дырку
В виде ромба
Бросил им...
Дура рыба
Рубины не жрёт
Румбу танцует -
Издевается

Начальник чисел

В сочельник
С чёрною свечою
С иглой висячей на челе
Зачем?
И чей
Ты теперь, начальник чисел,
Сочленяешь невозможное?

Стихия человека

Ни страх,
Ни истина -
Стихия человека та,
Что прах в стихи преобразует.

Праздник

Ощущая странный вкус
Во рту
И бусы
Проснулся не дома

За левым плечом Бога

За свою жизнь
Он не прочёл ни слова
Но много чего выпил
Это он
От сотворенья мира
Молчит за левым плечом Бога
И будто стесняясь кого-то
Всё теребит тюрбан
Теребит тюрбан
Теребит тюрбан
Теребит тюрбан
Теребит тюрбан
Теребит тюрбан
Кормит ящ-щериц
Ящ-щериц
Настоящих ящериц
Носит в специальном чёрном ящике
Своей ничем не примечательной судьбы

Всё чушь и ложь
И я, всего лишь,
Хоть и лучшая,
Но лошадь
Лишняя
В умах шумела
Несъедобного лишённых.

Треснул тростью по башке
И простил
По простоте душевной

ОТ ВСЕГО ДО НИЧЕГО И ОБРАТНО

От всего до ничего и обратно

Я выгнал всех членистоногих
Из лабиринта своего
И сам себе червём верховным
Гигантской влажною ногою
Стал трогать всё
И ничего
И ничего не стало
И не осталось ничего
Как оказалось
От всего до ничего
Всего-то ничего,
А вот обратно?
ТЬфу!
Ну, вот и всё
Опять вставать
На битву с зевотой
О, как же не хочется,
Как же не хочется,
Как же не хочется идти на работу!!!

Древние знаки

2478 чёрных горошин в заброшенном доме.
748-14-40 – молчит телефон
Чей?
Вряд ли вспомню.
24.05.90. – дата рождения?
Табельный номер?
Может быть, помер в тот день кто-то?
Точно –
Не помер,

Сон приснился,
Как в буфет зелёный
Без четверти трижды споткнувшийся лось
Забрался,
А я ржавый гвоздь
Распиливал ровно на 9 частей.
Тогда даже мамо маё удивилось –
Зачем, говорит тебе, сын мой Серёжа
Считать этот... рис
И-и-и... вот, этих вот... ос?
О, мама!
Ах, мама,
То вечный вопрос –
Ну, как же мне?
Как же сложить мне Вас, древние знаки,
Чтоб всё получилось?

Мощное происшествие

Тогда ещё
Они висели неподвижно
На это указывают и линии скальных разломов
Считалось,
Что это красиво
И, между нами,
Так оно и выглядело...
Слава Богу, все успели выбежать...
А то бы...
Я не знаю, что случилось бы
Но...
Мощная дрянь
Ничего не попишешь
Такого я ещё не видел
Да-а-а!
Уж это им вряд ли удастся списать
На резкие изменения электромагнитного поля.

Ревность

Ты говоришь, я злой и нервный
Невозможный человек.
И никак понять не хочешь -
Я не злой,
А очень даже добрый
И возможный,
Но в момент,
Когда вопреки ожиданиям
Происходит слияние
Знаков полярности инородных тел
И, как следствие, вторжение в мозг
Большого торфа
И его
Последующее створожение
Я не я,
Ревную
Мой фамильный демон рвёт и мечет,
Охраняет
Судьбой мне вверенного ведомства
Стратегический объект

Непростой разговор

-
-
-
-
Вот такой непростой разговор
Затеяли
Грозный огр,
Мудрый бобёр,
Зубр грустный
И безымянный стрелок ВОХР.
Скажу откровенно,
Не знаю, как вы,
Но я вот
Вообще ни хрена не понял.

Долгая счастливая жизнь
(Триптих)

*

Он самый сильный
Самый умный
Самый добрый
Самый-самый
Но рано или поздно
Все умрут
А Он останется
Единственный
Кому нЕкому
Будет рассказать
О своей долгой счастливой жизни

*

Он кочевником родился
Сел на коня
И поскакал
Скакал-скакал
Скакал-скакал
Скакал-стрелял
Стрелял-стрелял
Упал
И умер
И сон его не скоро кончится
А он и не мечтал
О долгой счастливой жизни

*

Он был никем
Ушёл незаметно
И никто
Так и не узнал
Секрета его долгой счастливой жизни

Все эти насекомые пАлые
И шестипОлые птицы,
А так же план капитуляции
На семи страницах
Впечатляют вполне,
Но электричка наша
Ушла
Уже
Поговори со мной
Следующая только утром

Выше только бездна

Включая хвосты по периметру
Завязывая в красные узлы
Всё то, что приборы не считывают
В условиях полной невесомости
Пишет в журнал
Вынимает ключи
Звонит по телефону
Сверяет часы
Нажимает на кнопку
Вставляет ключи
Поворачивает
Ставит подпись
Вынимает ключи
Подтверждает пароль
Выходит на орбиту
Нажимает на кнопку
Гудки
Всё работает
Просто
Никто не отвечает

Мы

Я буквы ем
Ты исключительные числа
Он вообще ест чёрти что
И кое-как
Лишь падая синхронно
Существуем Мы –
Ямы яд
И выделения
Ересь наша
Порождённая
Чувством самосохранения

Она говорит со мной
Всегда
О чём-то моём
Родном,
Надоевшем
На своём языке,
Мне чужом и чуждом
И думает о ком-то своём.
Я молчу,
Но каждый раз
Готов убить её.
Я знаю, что она не против,
Потому
Мне это удаётся.
И тогда
Меркнет всё
И мгновением этим
Я целую вечность прожить бы мог -
Так
Это чужое существо
Красиво умирает

Космическая пунктуация

- О, горе мне!
И грибам моим горе!
Сердца гордого угорь-рыба
Угробить готова себя
Ну, скажи мне,
Скажи же мне, бортпроводница,
Почему не звонит она?
Любит другого?
- Что вы,
Что вы, гражданин,
Кричите?
Вам плохо?
- Нет,
В планетарном масштабе
У меня всё хорошо,
А вот у вас,
В вашей заданной болотной плоскости
С пунктуацией космической
Явно что-то не то
- Э-э-э, удивил
Да ты сам посмотри
Сырость-то какая кругом...
А вообще-то, сынок,
Не ел бы ты больше грибов в одиночку.

Вдохновенный архитектор

Он мечтал о ней двенадцать лет
И вот однажды
Она пришла сама
И дала ему всё
А на следующий день умерла
Он так охуел
Что даже очки перестал носить
И обувь
И за каких-то полдня
Спроектировал новый
Невиданный доселе
Небесной красоты
Туалет, буфет и зал ожидания

17 мгновений августа

И вспомнил Онегин
И вынул магнит
И бросил стакан заколдованный в лужу
Сказал:
О, создатель,
Ужасны гимнасты твои
И мнимые гномы самогоном гонимые
И книги
Сомнений лишённые
Да и ты...
Короче!
Я в этом больше не участвую
Я увольняюсь
Ну-ну – сказали ангелы
Хи-хи – сказали гномы
Растворяясь в огненном напитке
Зная
Кто обычно
Решает подобные проблемы
Но Штирлиц не пришёл
Его уже тошнило
От кровожадных законов литературы
И её нравоучений
Стоял август
В лесу появились грибы
Кошка котят принесла
И всё заметней
День короче становился

Поэтова болезнь

Да не было этого
Просто поэту
Положено так
Искать по ту и эту сторону
Оправдание тому
Что внутри
И днём и ночью
Ни зачем ни почему
Просто так
Сидит и долбится...
КаковО?
А?
Вот и мне порой, кажется,
Что это какая-то инопланетная инфекция

P. S.

Задрайте люки
И здравствуйте!
Знаете,
Все ваши мирские звания
И мерзкие знамёна,
Как язва моя,
Завоёванная в киберпространстве,
На самом деле
Лечится просто -
Взять,
Засыпать,
Размешать и вылить.
Вот...
Посмотрите на меня!
А теперь
Можете смело завидовать
И продолжать задаваться своими дурацкими вопросами

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

О

Он проще всех,
Но в этой простоте,
Как звёздный хлам в мешке дырявом,
Все возможные вопросы.
На которые один ответ –
Холодная бездна,
Под ногами бездна
В каждом его шаге,
Но страха нет.
Ведь никому на свете
И в самой тёмной темноте
Ни угадать, ни вычислить,
В какой игре
И кем в итоге станет джокер
В его секретном рукаве.

I

Ни злой, ни добрый
Так бы и не был
Несуществующим безмолвием,
Не нарушающим себя собой,
Великим и не нужным
Словом,
Так и разделил
Неделимое
Тобой и мной
На нехитрые предметы -
Жезл, чашу, обоюдоострый меч
И монету со звездой,
Породив своей искромётной выходкой
Должно быть, самый наиглупейший из вопросов,
Который и по сей день терзает лучшие умы человечества.

II

Она та,
Она та,
Она та, что здесь и там,
Здесь и там,
Она то, что здесь и там
Запечатлелось в книге отражений -
Два ключа,
Два ключа,
Её тайна - два ключа,
Её таинство запечатления
«Да» и «нет»
При свете дня
Сокрытые
Лишь в сумраке ночном
Над бездной
Древнее мира память
«Нет» и «да»
Её три лика.
Внемли, спящий!
Внемли, спящий
На грани сна и полусна, -
Все тайны мира в её знаках,
В её знаках,
В её знаках
Суть вселенского течения...
«Нет» и «да»
Уймись!
Уймись, поэт,
Бессильны
Твои бесценные слова.

III

И отворилась дверь,
И говорила,
И человеческою становилась
Бога кровь,
И тѣк священный сок,
И соком тем
Исполнялась магия растений,
Как исполняются желанья,
Все желанья,
Исполняются все желанья.

IV

И встал во весь рост,
И крикнул во весь голос -
Небо,
Слушай человека -
Я отрекаюсь,
Отрекаюсь,
Отрекаюсь,
Отрекаюсь от имени своего!
И содрогнулась бездна,
И застыл внутри его
Как будто бы на вечное мгновение
Перед рожденьем звѣзд безвидный космос.
Так
Обретал сияющую плоть,
Пылающий логос,
И законный трон
Мира первый и последний
Единственно возможный фараон.

V

В чёрном, чёрном, чёрном месте
Жил-был красивый человек,
Порождённый будто самим солнцем.

Много лет
Он ходил, не зная страха
И сомнений,
С ясным взором,
Оставляя красные следы
На чёрном песке

И вот однажды
Ему приснился сон,
Как будто вышел срок,
И дожил он до конца времён
И слился с этим
Столь привычным ему чёрным миром
Без остатка...

И в душе его,
На самом её дне,
Как жизни всей итог,
Распустился
Ослепительно белый цветок

Это был всего лишь сон,
Но он смотрел теперь сквозь слёзы
На мир, который стал совсем другим,
Таким же красным,
Как пылающая в его сердце роза.

В красном, красном, красном месте
Жил-был чёрный человек,
Порождённый будто звёздной ночью.
Много лет

Он носил свои вопросы
И сомнения,
Бездонным взглядом
Изучая чёрные следы
На красном песке

И вот однажды
Ему приснился сон,
Как будто вышел срок,
И дожил он до конца времён
И слился с этим невозможным красным миром
Без остатка,
Чтоб внутри его

Ничего не осталось,
Но как жизни всей итог,
Хотя бы на мгновение,
Распустился
Сердца пламенный цветок

Это был всего лишь сон,
Но в нём окрепли его крылья,
Всё стало чёрным как его душа,
Всё стало белым, как на самом дне её
Сияющая лилия.

VI

Он сказал -
Нехорошо
Быть человеку одному,
Она сказала -

Вот я и нашла тебя, Ты найдёшь меня,
Возьми же Я знаю,
Всё, что есть во мне Ты меня найдёшь,
И у меня - И от тебя
Всё твоё, Камня на камне
Всё для тебя Не останется

Что было дальше,
Отдельная история,
Очень длинная
И запутанная.

VII

Город пал,
Застыли лица
Победителей и побеждённых -
Некому его остановить
Ему уже нельзя
Остановиться,
Мчится,
Мчится в вечность колесница -
Белый зверь
И чёрный зверь
В одной упряжке
Их возница первый
И всегда один -
Их нерушимая граница,
Их верный безымянный господин.

VIII(XI)

О, как точны её движенья,
Как целомудренны слова
Беззвучные,
Что даже самая дрянная дрянь двуличная
Поверит,
Что в её руках
Не меч карающий,
Но меч насущный,
Отсекающий всё лишнее.

IX

Он шёл и шёл,
Ишёл, и шёл
Так долго,
Будто у него была
Какая-то тайная третья нога
Или особенный фонарь,
Который светит только там,
Где ночь не ночь,
Но истинная тьма,
Но истинная тьма
Обняла его как мать
И тьма
Его
Не поглотила зерна истины.

Х

И сказал -
Да будет свет!
И стало так.
Однако самый хитрый
Возразил -
Да нет же,
Это как-то слишком просто
Будет,
Притушите свет...
И завертелось,
Закрутилось так,
Что много тысяч лет
Только свист в ушах,
Да скрежет в умах,
Только искры из глаз,
Да брызги во все стороны...
Нет,
Подумал Бог,
Вполне возможно,
Что и в этом смысл есть.
Только хорошего нет ничего,
Плохое кино.
И сказал -
Да будет свет!
И стало так.
Однако самый хитрый...

XI (VIII)

Когда нечем больше биться
 Стало,
 И всё войско моё
В своей собственной кровищи
 Полегло,
 Я вышел в ночь,
 Смердящ и гол,
Через центральные ворота,
 Но совсем не для того,
Не для того чтобы погибнуть,
 Нет,
 Не поражение признать,
 Нет-нет...
Я вышел, чтоб нести твоё сиянье,
Я нес в груди своей твоё сиянье,
 И не боялся
 Никого.

 Давно умолкли барабаны
И вопли ярости,
И выпал снег,
И накрыл всё белым-белым...
Долго спал я,
Снег растаял,
И проснулся человек,
Но совсем не для того,
Чтобы молиться,
Нет,
Я не хотел,
Нет-нет...
Я вождедел и жаждал,
Я жаждал твоей крови,
Я вождедел твоей нечистой крови,
Я вождедел твоей нечистой крови
И не боялся
Никого.

XII

Он придёт, но ничего не скажет,
Ведь что бы ни изрёк пророк
В своём безумии священном,
Будет повешен между строк...

Другой...

И лишь в неведеньи блаженном,
Как и прежде
В назначенный срок
Даже испугаться не успеет
Невинный жертвенный зверёк.

XIII

Нету силы у неё,
Нет желаний,
Нет понятия добра и зла,
Нет характера,
Но есть одна
Очень важная для всех
Характерная черта.
Последняя.

XIV

Всё так и будет -
В каждом он
Найдёт свой сон.
И пробудившись в нём,
Уже не сможет
Ни промолчать, ни высказать...
И день станет ночью,
И ночь станет днём,
И серебру станет подобно золото,
И золоту подобно серебро,

И смешается в одно
Слёзы, пот и кровь живого Бога,
Чтоб над битвою между добром и злом
Что-то Третье
Вспыхнуло и потекло
Из неведомого в невиданное.

XV

Чьей волей назначен
Мятежник несчастный
Во мне посчитать себя мною до двух,
На битву без правил
Навек обрекая
Слова мои.
Кем порождён ты, мятущийся дух?

XVI

Что ищешь ты,
О, юный архитектор,
За гранью разуменья своего?
Каких утех,
В огне каком,
Какой водою
Закалена твоя секира
Воли,
Мало ль было тех,
Кто, стоя на вершине мира,
Себе позволил знать людей,
Хранить молчание, желать и сметь,
И плетью наделённой ими властью
За счастье малых сих радеть...
Молись!
Молись, строитель безупречной башни!
Здесь никому не уцелеть.

XVII

Так много звёзд,
Но лишь одна
Вселенной стоит -
Та, что рождена
Отразиться тихим светом
В самой грязной луже,
В самые печальные времена.

XVIII

Я знаю их,
Я возвращаюсь
К ним во дни своих затмений,
Говоря -
Вот слова мои,
Вот мои вещи
Во мгле противоречий нажитые -
Тени ваши
Возвращаю.
Терзайте меня,
Мои недобрые ночные звери!
Если сможете...
Но они,
Как ни странно,
Всегда...
Могут?
Не то слово,
Хлебом не корми.

XIX

Что соль земли!
Что неба сон!
Ничто...

Когда земли и неба сын

Вселенское сердце

Зажигает

ВСЁ.

XX

Да!
Хочу-хочу-хочу!!!
Но когда все звуки мира
В одной трубе сольются в унисон,
И уже не важно будет, кто кому приснился...
Растолкуешь ли,
К чему был этот сон,
Ты,
Мой добрый Бог.

XXI

И у неё порой бывает
Выходной.
Тогда она уходит
Туда, где никого
И ничего
И не бывало раньше,
И танцует
В честь того,
Кто все надежды и сомнения вселенной,
Будто хлам в мешке дырявом носит,
Звёздный хлам
Не больше и не меньше.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Е. Процин. Предисловие
3

Простая арифметика
5

От всего до ничего и обратно
21

Первый и последний
30

Сергей Кынчев
Два названия

Редактор серии Евгений Прощин
Куратор проекта Андрей Носов

Верстка Елена Лодыгина

Издание Приволжского филиала
Государственного центра современного искусства

Отпечатано
в Приволжском филиале
Государственного центра современного искусства
г. Нижний Новгород, Кремль, корпус 6

www.ncca.ru/nnovgorod